

УДК 821.161.1.09+281.93
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1+86.37

О КРУГЕ ЧТЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО ПИСАТЕЛЯ АРХИЕПИСКОПА ВАСИЛИЯ КАЛИКИ (XIV в.)

© Г.А. Лончакова, 2007

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15*

На основании сравнительного анализа текста Послания о рае Василия Калики и текстов известнейших памятников Древней Руси – Толковой Палеи, Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского, «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина, Жития Василия Нового, литургических текстов и молитвословий, Пролога, а также текстов Евангелия и Апостола, ветхозаветных текстов (Книги Бытия) – делается вывод о соответствии идеологической позиции новгородского архиепископа Василия Калики вероучению Православной церкви, а также о знании и использовании им в его известном Послании о рае вышеназванных книжно-письменных памятников. Опровергается распространенное мнение о низком образовательном уровне автора Послания о рае и неканоничности его взглядов.

Ключевые слова: новгородская письменность XIV в., Василий Калика, Послание о земном рае, Толковая палея, Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского, Иоанн Дамаскин.

Новгородский архиепископ Василий Калика известен современным исследователям древней русской литературы и книги как автор знаменитого Послания о земном рае, адресованного тверскому епископу Федору Доброму. Послание о земном рае включено в русские летописи под 1347 г., этим годом исследователи и датируют памятник.

Василий Калика был, будучи архиепископом Великого Новгорода, главой Новгородской республики и в этом качестве сыграл заметную роль в жизни Новгорода, его отношениях с Москвой, Золотой Ордой, северными соседями. В русских летописях отражена его роль как строителя храмов, мостов, оборонительных сооружений в Новгороде и в Новгородской земле.

Послание о земном рае Василия Калики много раз служило исследователям источником для изучения истории общественной мысли в России в XIV в. [1]. При этом выводы исследователей о месте в ней Василия Калики далеки от однозначности. Его считали представителем позиции демократических масс, предполагали, что он покровительствовал еретикам, называли выразителем так называемого «народного православия» и т.д. В последнее время было высказано мнение о том, что его идеологическая позиция вполне православна.

Послание о земном рае упоминается во всех обзорных исследованиях по истории русской литературы в Средние века, ему посвящены главы в

монографиях и отдельные статьи. В том числе исследователей интересовал и вопрос об использованных Василием Каликой при написании Послания фольклорных и литературных источниках [2], поскольку, разумеется, в таком серьезном богословском вопросе, как существование земного рая и характеристика «рая мысленного», новгородский архиепископ не мог опираться только на свои познания и рассуждения, а должен был обратиться к наиболее авторитетным текстам и авторам.

Последнему вопросу посвящена и одна из статей автора настоящего сообщения. На основании сличения текста Послания о земном рае и текстов памятников Священного Писания, литургических текстов и текстов уставных чтений (Пролога), а также текстов литературных памятников, уже существовавших и известных на Руси в XIV в., удалось установить значительный круг сочинений исторического, богословского, церковно-исторического, космогонического и эсхатологического содержания, которыми воспользовался новгородский архиепископ в своей полемике с Федором Добрым.

Мы полагаем интересным, на основании собранного материала, рассмотреть вопрос в чисто книговедческом аспекте, а именно – исходя из использованных Василием Каликой при написании Послания о рае сочинений, не затрудняя читателей, не являющихся специалистами-текстологами, многочисленными примерами, очертить круг чтения знаменитого новгородского церковного и политического деятеля и писателя.

Структура текста рассматриваемого памятника такова, что он разделяется на два смысловых фрагмента: в первом, более объемном, повествуется о «рае земном», созданном Богом в ходе творения мира. Второй фрагмент, меньший по объему, включает найденные автором сведения и свидетельства о «рае мысленном».

Как первый, так и второй фрагмент начинаются ссылками на Евангелие – первый – на Евангелие от Иоанна, второй – на Евангелие от Матфея. Евангелие от Матфея цитируется Василием Каликой и в других местах Послания. Чтения из Евангелий обязательно входят в каждую церковную службу. Таким образом, как и можно было с уверенностью предполагать, Евангелия необходимо входили в круг чтения Василия Калики.

Следом за ссылкой на евангельские чтения в Послании о рае в том и другом фрагменте идут ссылки на Послания апостолов, их больше. Лаконичный евангельский текст разъясняется и конкретизируется прежде всего сочинениями учеников Господа, вышедших после Пятидесятницы на проповедь. Мы находим ссылки на Первое и Второе послания апостола Павла к коринфянам, его же Послание к ефесянам и на Второе соборное послание апостола Петра. Как и Евангелия, Апостольские послания также являются обязательным элементом церковной службы.

Определить, даже гипотетически, пользовался ли Василий Калика Евангелием и Апостолом апракосного типа или Четвероевангелием и четрым Апостолом, не представляется возможным.

Несколько раз Василий Калика приводит цитаты из Ветхого Завета, а именно из Книги Бытия. Книга Бытия не является обязательным элементом каждой церковной службы, однако, в некоторые периоды, в частности Великим постом, а также накануне некоторых праздников неподвижного цикла, на вечерне читаются отрывки из книг Ветхого Завета, так называемые паремьи [3]. Во времена Василия Калики они были собраны в специальной книге – Паремийнике [4].

Начиная с XIV в. паремьи включаются в состав служебных Миней и Триодей. К середине XIV в. относятся первые попытки составления единого четьего текста Священного Писания [4]. Поскольку Василий Калика умер в 1352 г., можно предположить, что Ветхий Завет был использован им в виде Паремийника.

Следующими по авторитетности для священнослужителя стоят тексты богослужебных песнопений: стихиры, тропари, кондаки, молитвословия. Сличение текстов показывает, что Василий Калика несколько раз цитирует в подтверждение своих тезисов богослужебную поэзию. Это одна из стихир, поющихся на вечерне Недели сыропустной (перед Великим постом) 6 гласа [5], Кондак Кресту

7 гласа¹, находящиеся в Триоди постной, блаженна-ирмос 1 гласа [6], находящаяся в Октоихе, стихиры празднику Преображения Господня² из Минеи праздничной.

Отметим, что хотя об использовании «церковных песен» Василием Каликой и упоминали некоторые исследователи еще в XIX в., однако в дальнейшем этот аспект не привлек достаточного их внимания.

Таким образом, кроме Священного Писания, несомненно, в круг постоянного чтения Василия Калики включались собственно богослужебные книги: Минея праздничная, Триодь постная (с полной уверенностью можно утверждать, что и Триодь цветная), Октоих. Эти книги были для него не только атрибутом, инструментом его профессиональной деятельности, но и – в соответствии с взглядом на богослужение Православной церкви – богословскими сочинениями³.

¹ Установлено нами на основании сличения текстов.

² Установлено нами на основании сличения текстов.

³ Это, несомненно, связано с пониманием восточным христианством сущности и значения для жизни церкви и каждого ее члена церковного богослужения. «В подлинном смысле б[огословие] является церковное богослужение и в наибольшей степени тайнодействие Божественной Евхаристии. (Maximus Conf. Mystagogia). Богословие неразрывно связано молитвой и славословием: “Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты богослов” (Evagr. De orat. 60). ...Стилистически богословие всегда тяготеет не к формальному и сухому описанию того, “как устроен Бог”, а к гимну, восхвалению. И дело здесь не только в том, что Бога и мир разделяет пропасть, но и потому, что Бог никогда не может быть объектом описания. Для богослова Он всегда выступает только как Субъект, как Личность» (Православная богословская энциклопедия. – М., 2002. – Т. 5. – С. 516–517). И далее: «Богослужение есть место встречи Бога, нисходящего к человеку и всему творению в Своем спасительном домостроительстве, и человека, отвечающего на Его зов и восходящего к Нему в молитве и в форме совершения определенных символических действий» (Там же. – С. 538). Также: *Коляда, Е. И.* Проблема жанра в древнерусской гимнографии // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского богословского института : материалы. – М., 1999. – 205 с.: «Православное богослужение, совершаемое ежедневно в монастырях и приходских храмах России, осуществляется взаимодействием ряда компонентов, важнейшие из которых – ритуал, слово, иконопись и гимнография – воплощают собой различные аспекты богословия. Подобно тому как литургическая поэзия является выражением богословия в собственном значении, ритуал олицетворяет литургическое богословие в символическом действе; иконопись содержит богословие, передаваемое в красках, церковную музыку можно с полным основанием считать богословием, заключенным в звуках». Очевидно, такое отождествление характерно только для Восточной, прежде всего – для Русской церкви. См. об этом: *Подскальски, Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Г. Подскальски. – СПб., 1996. – Гл. 4. «Основные черты богословия Киевской Руси». – С. 433: «...с точки зрения Запада, было бы правильное говорить не о богословии, а о духовном опыте... Востока. В особенности это справедливо для Руси, где сердцевину церковной жизни составляет отнюдь не богословское ис-

Однако лаконизм Священного Писания и высокая поэзия богослужбных книг побуждали автора Послания о земном рае искать конкретизации, деталей и подробностей. За ними он обращается прежде всего к Прологу.

Необходимо сказать, что в древности – и еще во времена Василия Калики – Пролог, наряду с некоторыми другими четырьмя сборниками устойчивого состава, использовался для так называемых уставных чтений: за богослужением (на утрене) прочитывались краткие жизнеописания святых («памяти») соответственно с церковным календарем [7]. На Пролог у Василия Калики есть и прямая ссылка в тексте.

Из Пролога Василий Калика берет сведения об Енохе, посаженном в раю, о Ефросине, побывавшем в раю и принесшем оттуда три яблока, о пребывании в раю Илии, увиденного там святым Агапием; он ссылается на проложную память священномученика Патрикия, когда говорит о двух местах, уготованных Богом праведникам и грешникам.

Но было бы ошибочным полагать, что круг чтения новгородского архиепископа Василия Калики исчерпывался книгами, использовавшимися за богослужением.

Сличение текстов показывает, что при описании как земного рая (рек, текущих из рая), так и «мысленного» (о неизмеримом превосходстве Христа-Света над тварным, созданным светом) автор Послания о рае использует сведения, почерпнутые из замечательного памятника средневековой славянской книжности – Шестоднева, составленного в конце IX – начале X в. Иоанном экзархом Болгарским.

Современные исследователи характеризуют Шестоднев как «...уникальный памятник богословско-философского содержания, имеющий большое культурно-историческое значение для всего славянского мира». Хотя памятник является комментарием к библейскому рассказу о шести днях творения, однако, по словам исследователей, его «...можно рассматривать как первую славянскую энциклопедию средневековья, содержащую сведения из разных областей знаний: космологии, астрономии, географии, физики, минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии» [8].

Исходя из приводимых Василием Каликой сведений о реке Ниле («Нил же под Египтом течет, ловят на нем [к]силолои [алойное дерево]»), можно заключить, что Василию Калике были известны Хроника Георгия Амартола – византийское историческое сочинение, переведенное с греческого языка в первой половине XI в. при Ярославе Му-

дром [9], и знаменитый средневековый роман о великом завоевателе древности Александре Македонском – «Александрия» [10]. Указание на то, что Нил течет под Египтом, как пишет В.М. Истрин, имеется в Хронике Георгия Амартола, в главе о рахманах (или «нагомудрецах» – совершенных людях), которая бытовала в древнерусской письменности и в качестве отдельной статьи. Так, например, она помещена в пергаменном сборнике XIV в. из Чудова монастыря под № 21/21 на л. 224 и имеет заглавие «О рахманех и о дивнѣмъ и жити ихъ» [11].

В Послании о рае упоминаются «силолои». Возможно, что это «ксилолои» – алойное дерево [12]. Слово это имеется в «Александрии» второй редакции. При этом В.М. Истрин, издавший «Александрию» разных редакций, указывает, что ему не удалось выяснить, откуда взяты эти «ксилолои» редактором «Александрии», и предполагает, что они были в том варианте одного из источников «Александрии» – Хождения Зосимы к рахманам, который был в руках последнего [11].

Конечно, возможно, что Василий Калика почерпнул эти сведения и из рукописных сборников, включавших в себя отдельные части вышеназванных сочинений.

Имеющаяся в тексте Послания о рае ссылка, равно как и сличение текста показывают, что Василий Калика знал и сочинения популярнейшего как в Византии, и при своей жизни, и в последующие столетия, так и в течение многих столетий на Руси проповедника и церковного писателя Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, жившего во второй половине IV в. [13].

Описание того, что должно произойти после «кончины мира», «егда вся земля огнем искушена будет», когда воочию станет виден, доступен рай, когда войдут туда и Матерь Божия, и праведники, и все, исполнившие заповеди Божии, Василий Калика нашел, как можно предположить, в Житии Василия Нового. Этот византийский памятник, отразившийся в Прологе и в Повести временных лет, был, по мнению исследователей, переведен на Руси не позднее XII в. [14]. Он включает в себя «Видение» ученика Василия Нового, Григория, повествующее о посмертной участи человеческой души и о Страшном суде. «Видение Григория» и было использовано Василием Каликой.

Сведения о бесплотных Силах – служебных духах Василий Калика, скорее всего, находит в еще одной грандиозной энциклопедии Древней Руси – Толковой Палее; на это также указывают текстовые совпадения. Современные исследователи пишут о том, что «...помимо сугубо богословских аспектов Составитель Палеи вложил в свое произведение сведения самого широкого характера (онтологические, космологические, естествен-

следование, а духовно-аскетическая практика (молитва, пост, литургия, иконопись)» и др.

но-научные, антропологические, астрономические, календарные, медицинские, географические, климатологические, исторические и некоторые другие). Все это позволяет отнести Палею к разряду древних «энциклопедий» [15].

В свою очередь, тексты указывают и на то, что при исследовании вопроса о бесплотных Силах одновременно с Толковой Палеей Василий Калика использовал текст (русский!) сочинения «ученойшего отца церкви» (по определению А.С. Архангельского), жившего в VIII в., Иоанна Дамаскина – «Точное изложение православной веры». Избранные главы этого сочинения были переведены на славянский язык уже упоминавшимся Иоанном экзархом Болгарским и названы в переводе «Слово о правой вере». В более поздних русских списках памятник назван «Небеса» [13].

Памятник этот является наиболее полным и точным для своего времени обобщением богословской догматической науки; он остается и до нынешнего времени единственным в своем роде. Церковный ученый XIX в., автор перевода «Точного изложения» на современный русский язык, отмечает и то, что Иоанн Дамаскин использует не только богословские сочинения предшественников и современников, но и не пренебрегает «никакими данными современной ему науки в целях приближения догматической истины к человеческому разуму» [16].

В круг чтения Василия Калики также действительно, судя по его Посланию о рае, входили и апокрифы – сочинения, не включенные церковью в разряд канонических. Многие из апокрифов, однако, были разрешены для свободного чтения [17].

Можно с большой долей вероятности предположить, что кроме названных сочинений, как правило большого объема, в круг чтения новгородского архиепископа входили и рукописные четьи сборники, включавшие избранные жития, Слова, Поучения, выписки из более объемных сочинений различного содержания. Именно в сборниках Василия Калики и должен был отыскать использованные им апокрифы об Адаме и Еве, уже упоминавшееся Хождение Зосимы к рахманам, Сказание о Макарии Римском. Апокрифы, всегда отличающиеся живым изложением и множеством подробностей, дали автору Послания о рае недостающие ему детали.

Таким образом, внимательное прочтение интереснейшего памятника новгородской литературы XIV в. – Послания о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики и сравнение его текста с текстами наиболее важных и значимых памятников, известных на Руси к тому времени, позволили реконструировать, разумеется, с известной долей гипотетичности и частично, круг чтения одного из выдающихся церковных и обще-

ственных деятелей того времени. Оказалось, что Василий Калика был, с одной стороны, глубоко православным, с другой – весьма образованным и начитанным человеком.

Список литературы

1. Казакова, Н. А. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века / Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. – М.; Л., 1955. – С. 36–37; Клибанов, А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. / А. И. Клибанов. – М., 1960; Дергачева, И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности / И. В. Дергачева. – М., 2004. – С. 134–145; Успенский, Б. А. Древнерусское богословие: проблема чувственного и духовного опыта (представления о рае в середине XIV в.) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: сб. к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. – М., 1996. – С. 107, 111 и др.; Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1948. – С. 770; Панченко, А. М. Василий Калика // Словарь книжников и книжности. – Л., 1987. – Вып. I: XI – первая половина XIV в. – С. 95; Древняя Русь: пересечение традиций. – М., 1997. – С. 250–280; Елисеев, Г. Две системы взглядов в общественном сознании средневековой Руси и эволюция апокрифов в XIII–XV вв. // Русское средневековье: Книжная культура. – М., 1998. – Вып. 1. – С. 59 и др.
2. [Веселовский, А. Н.] Калики переходные и богомилские странники // Вестн. Европы: журн. истории, политики, литературы. – СПб., 1872. – Т. 34. – С. 682–722; [Веселовский, А. Н.] Разыскания в области русского духовного стиха. – Вып. 6. – СПб., 1891. – Гл. «Эпизоды о рае и аде в послании новгородского архиепископа Василия». – С. 91–104; Полевой, П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. – СПб.: Издво А.Ф. Маркса, 1900. – Т. I, вып. 1. – С. 116–119; Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и со словарем / сост. Ф. Буслаяв. – Изд. 4-е. – М., 1888. – С. 164–170.
3. [Никольский, К. Т.] Пособие к изучению устава богослужения Православной церкви / К. Т. Никольский. – СПб., 1874. – С. 483–485.
4. Алексеев, А. А. Текстология славянской Библии / А. А. Алексеев. – СПб., 1999. – С. 23–24, 33.
5. [Порфирьев, И.] Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. – Казань, 1872. – С. 105; Успенский, Б. А. Древнерусское богословие: проблема чувственного и духовного опыта (представления о рае в середине XIV в.)... – С. 119.
6. Голейзовский, Н. К. «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV в. // Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. – София, 1982. – С. 47.
7. Давыдова, С. А. Славяно-русский Пролог и церковный устав // Русь и южные славяне: сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина. – СПб., 1998. – С. 205–206.
8. Баранкова, Г. С. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Г. С. Баранкова, В. В. Мильков. – СПб., 2001. – С. 5–6.

9. *Истрин, В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе / В. М. Истрин. – Пг., 1922. – С. 305–309.
10. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 : XI – первая половина XIV в. – Л., 1987. – С. 35–37.
11. *Истрин, В.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст / В. Истрин. – М., 1893. – С. 207–210 вт. сч. ; 226 вт. сч.
12. Словарь русского языка. XI–XVIII вв. – Вып. 8. – М., 1981. – С. 100.
13. [*Архангельский, А. С.*] К изучению древнерусской литературы: творения отцов церкви в древнерусской письменности : Очерки и исслед. А. С. Архангельского. – СПб., 1888. – С. 53–57 ; 96–104.
14. *Шахматов, А. А.* Повесть временных лет и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. ; Л., 1940. – С. 69–72 ; Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI – первая половина XIV в. – Л., 1987. – С.142–143.
15. *Мильков, В.* Палея Толковая: редакция, состав, религиозно-философское и энциклопедическое значение памятника / В. Мильков, С. Полянский // Палея Толковая. – М., 2002. – С. 604.
16. *Преподобный Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. – М., 2003. [А. Бронзов. Магистр богословия]. Предисловие переводчика. – С. 41.
17. Православная энциклопедия. Т. 3. – М., 2001. – С. 46 и далее.

Материал поступил в редакцию 03.08.2007 г.

Сведения об авторе: *Лончакова Галина Андреевна* – научный сотрудник отдела редких книг и рукописей, тел.: (383) 266-10-91, e-mail: rk@spsl.nsc.ru